

ИНОВАЦИИ
ВНЕШНЕГО
АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

2000

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования РФ, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудроу Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ 2008

Переходный период в экономике Центральной Европы: итоги первого десятилетия

*Составитель: Ю. Хорват
Научный редактор: В. Немчинов*

Москва
Логос
2008

Издание осуществлено при поддержке Московского фонда «Информация. Наука. Образование» (ИНОЦентр), Венгерского культурного, научного и информационного центра в Москве, принадлежащего к сети Института им. Балаши, а также Центрально-Европейского университета в Будапеште.

Авторы:

Я. Корнай, Г. Кертеши, Я. Келье, Л. Чаба, Б. Грешкович, Д. Боле, Е. Вархеи, Г. Облат, Е. Коченда, Л. Кркоска, Ф. Турновец, Дж. Джонас, Ф.С. Мишкин, Ян. Фидрмук, Ю. Хорват, Я. Фидрмук, М. Беблани, К. Морван, А. Марчинчин, В. Млинарович, Р. Коларик, Я. Ростовский, Г.В. Колодко, С. Гомулка, Дж. Лейн, Р. МакДональд, Ц. Вуйсик, А.С. Беди, А. Чеслик

П27 Переходный период в экономике Центральной Европы: итоги первого десятилетия: Центрально-Европейский альманах. – М.: Логос, 2008 – 764 с.

ISBN 978-5-98704-324-7

Очередной выпуск Центрально-Европейского альманаха «Переходный период в экономике Центральной Европы: итоги первого десятилетия» включает в себя избранные статьи, посвященные исследованиям ведущих экономистов, политэкономов и экспертов по разработке экономической политики из стран Центральной Европы: Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. Статьи дают представление и сравнительные анализы о разных аспектах переходного периода экономики, относящихся к ряду стран региона. Включенные в сборник результаты исследования в оригинале были опубликованы в ведущих журналах мира, а также в виде отдельных глав в книгах по экономике. Они появились не позднее 2004 г., таким образом их тезисы уже вошли в обиход в экономическом сообществе.

Предназначен для читателей, интересующихся экономикой, студентов и преподавателей экономических вузов, а также исследователей Центрально-Европейского региона.

УДК 327(07)
ББК 65.5

Книга распространяется бесплатно.

Составитель и редакторская группа выражают глубокую признательность всем издательствам и журналам опубликовавшим в оригинале публикации включенные в данный сборник работ за их согласие перепечатать статьи на русском языке. Приносим особую благодарность издательствам Blackwell Publishing, Elsevier и MIT Press.

Отдельная благодарность за участие всем авторам и переводчикам.

ISBN 978-5-98704-324-7

© Авторы, указанные на обороте титульного листа, 2008
© Ю. Хорват, составление, 2008.
© АНО «ИНОЦентр» (Информация. Наука. Образование), 2008
© Blackwell Publishing, 2008
© Elsevier, 2008
© MIT Press, 2008
© Логос, оформление, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Переходный период в экономике Центральной Европы: итоги первого десятилетия	7
Введение	9
Янош Корнай Что означает и чего не означает переход от социалистической системы к капиталистической? (перевод В. Немчинова)	9
Раздел 1. Венгрия	33
Габор Кертеши, Янош Келье Возможно ли устранение экономических диспропорций с помощью удвоения минимального размера оплаты труда? (венгерский опыт) (перевод Н. Саблиной)	33
Ласло Чаба Экономика переходного этапа: новый тезис невозможности (перевод Н. Саблиной)	80
Бела Грешкович, Дороти Боле Пути развития европейской периферии: сравнительный анализ возвращения в Европу Венгрии и Польши (перевод Н. Саблиной)	108
Ева Вархеи Конкуренция в банковском секторе Венгрии (перевод П. Таранова)	149
Габор Облат К вопросу об интерпретации и сравнении внешних диспропорций на международном уровне (перевод О. Якименко)	187
Раздел 2. Чехия	209
Евжен Коченда Макроэкономическая конвергенция в странах с экономического переходного типа (перевод В. Немчинова)	209
Либор Кркоска Неоклассическая модель роста применительно к переходному периоду в Центральной Европе (перевод А. Котковского)	237
Франтишек Турновец Политическая система и экономический переход (перевод В. Немчинова)	269

<i>Джири Джонас, Фредерик С. Мишкин</i> Инфляционное планирование в странах с переходным типом экономики: опыт и перспективы (перевод В. Немчинова)	320
Раздел 3. Словакия	389
<i>Ян Фидрмук, Юлиус Хорват, Ярко Фидрмук</i> Стабильность валютных союзов: уроки распада Чехословакии (перевод А. Старкова)	389
<i>Мирослав Беблави</i> Денежно-кредитная политика Словакии (перевод А. Старкова)	431
<i>Кароль Морваи</i> Общее макроэкономическое развитие Словакии (перевод В. Немчинова)	466
<i>Антон Марцинчин, Кароль Морваи</i> Макроэкономическая иллюзия и микроэкономическая реальность — пример Словакии (перевод Н. Тимкиной)	505
<i>Владимир Млинарович, Ричард Коларик</i> Исторический анализ и оптимизация валютного портфеля (перевод Н. Тимкиной)	530
Раздел 4. Польша	551
<i>Яцек Ростовский</i> Расширение ЕС на восток и причина одностороннего введения евро (перевод А. Старкова)	551
<i>Ежегож В. Колодко</i> Глобализация и трансформация: от спада к росту в переходных экономиках (перевод Н. Саблиной)	577
<i>Станислав Гомулка, Джон Лейн</i> Экономический спад при переходе к рынку в условиях ограничения мобильности ресурсов (перевод А. Старкова)	644
<i>Рональд МакДональд, Цезарь Вуйсик</i> Преодоление отставания: роль спроса, предложения и регулируемой цены на реальные обменные курсы в четырех восточноевропейских странах (перевод А. Старкова)	664
<i>Аржун С. Беди, Анджей Чеслик</i> Заработная плата и ее рост в Польше (перевод А. Старкова)	700
<i>Об авторах</i>	741
<i>Источники оригинальной публикации материалов сборника</i>	754
<i>Венгерский научный центр на Поварской</i>	758

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию российским и русскоязычным читателям очередной выпуск Центрально-Европейского альманаха включает в себя избранные исследования ведущих экономистов, политэкономистов и экспертов по разработке экономической политики из стран Центральной Европы — Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. Любая тематическая подборка ставит редактора перед необходимостью выбора тех работ, которые дают представление о политэкономических дискуссиях, проводящихся в этом регионе мира. Составитель данного сборника определил основные принципы отбора таких статей. Все статьи должны освещать какой-то аспект переходного периода экономики и адресоваться широкому кругу читателей. Далее, в выбранных статьях должны обсуждаться проблемы, относящиеся к ряду стран переходной экономики, т.е. предпочтительны сравнительные анализы. К перечисленным критериям добавлен и формальный критерий о том, чтобы данная статья уже была опубликована до перевода на русский язык. Поскольку преобладающая часть статей подбиралась в 2004 г., включенные в сборник исследования появились не позднее этого года.

Статьи предлагаемого сборника в оригинале были опубликованы в ведущих журналах, специализирующихся на проблемах переходной экономики, а именно в «The Journal of Comparative Economics», «The Economics of Transition», а также в других авторитетных изданиях, например в «Journal of Economic Perspectives», и публикациях таких организаций, как «At the National Bureau of Economic Research», «Institute for the Study of Labor», «International Monetary Fund», или же вышли в свет в качестве отдельных глав в книгах издательства MIT Press. Некоторые статьи были напечатаны в местных экономических журналах, таких, как «Közgazdasági Szemle» («Экономическое обозрение») в Венгрии, «Ekonomický časopis» («Экономический журнал») в Словакии, «Finance and Uver» в Чехии.

Раздел 1. «Венгрия» начинается со статьи Яноша Корнай, самого выдающегося экономиста Центральной Европы XX века.

В статье венгерского исследователя Яноша Кельё, написанной в соавторстве с Габором Кертеши, обсуждается проблема минимального размера оплаты труда и связанные с ней последствия для динамики венгерской экономики. Ласло Чаба в своей академической лекции пытается обобщить политэкономия переходного периода. Бела Грешкович и Дорати Боле сопоставляют пути развития в Венгрии и Польше. Ева Вархеда рассматривает конкуренцию в венгерской банковской сфере, Габор Облат осмысляет и сравнивает внешние диспропорции на международном уровне.

Раздел 2. «Чехия» открывает статья Евжена Коченды о макроэкономической конвергенции в странах с экономикой переходного периода. Либора Кркоска рассматривает модель роста в переходный период, Франтишек Турновец подвергает анализу политическую систему перехода, а в заключение Жири Джонаси и Фредерик С. Мишкин предлагают обозрение об опыте стран с переходной экономикой в области планирования инфляции.

В разделе 3. «Словакия» тремя авторами — Яном Фидрмуком, Ярком Фидрмуком и редактором-составителем сборника Ю. Хорватом — обсуждаются экономические причины распада Чехословакии как монетарного союза. Мирослав Беблavi описывает денежно-кредитную политику Словакии, Антон Марцинчин и Кароль Морваи разбирают ее макроэкономическое развитие, а Владимир Млинарович и Ричард Коларик дают анализ финансового рынка разных переходных экономик.

Раздел 4. «Польша» включает в себя широко известную рекомендацию Яцека Ростовского об одностороннем введении евро, Гжегож Колодко анализирует процессы от спада к росту в переходных экономиках, Станислав Гомулка и Джон Лейн останавливаются на проблемах экономической рецессии. Рональд МакДональд и Цезарь Вуйсик в своей статье оценивают воздействие спроса и предложения на обменные курсы валют. Сборник завершается статьей молодых польских экономистов — Аржуна С. Беди и Анджея Чеслика.

Центрально-Европейский альманах выходит в свет при поддержке Московского фонда «Информация. Наука. Образование» (ИНОЦентр), Центрально-Европейского университета (ЦЕУ) и Венгерского культурного, научного и информационного центра в Москве (ВКНИЦ). Я признателен А.В. Картунову, президенту Фонда ИНОЦентр, за инициативу данного проекта и Илоне Киш, директору ВКНИЦ, за ее личное содействие и отличную координацию публикации. Мне хотелось бы выразить благодарность Беле Грешкович, Ласло Чабе и Яцеку Ростовскому за помощь и советы. А в заключение: я весьма обязан лично за любовь и поощрение Петре и моим сыновьям, Роману и Роберту.

Юлиус Хорват,
заведующий кафедрой экономики
Центрально-Европейского университета

Будапешт, 2008, март

Введение

ЧТО ОЗНАЧАЕТ И ЧЕГО НЕ ОЗНАЧАЕТ ПЕРЕХОД ОТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ К КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ?

Янош Корнай

Как известно, в XX в. господствовали две системы: капиталистическая и социалистическая¹. Но является ли это утверждение достаточно очевидным? Обычно оно сталкивается с тремя возражениями.

Первое возражение сводится к тому, что было бы преувеличенным и неоправданным упоминать социалистическую систему вместе и в одном ряду с капиталистической. С точки зрения мировой истории социалистическая система была лишь короткой интерлюдией, временной aberrацией в ходе исторических событий.

Такой взгляд может быть вполне справедлив для историков, которые будут жить лет через 200, но мы, жившие в XX в., совсем не так видим эти события. Становление, существование и частичный распад социалистической системы оставили в этом веке глубокие и трагические следы. Социалистическая система существовала достаточно долго и в значительной мере все еще существует в самой густонаселенной стране мира — Китае. Советский Союз, обладавший огромной военной силой, считался сверхдержавой и потому оказывал давление не только на сотни миллионов людей, входивших в социалистическую систему, но и на всю остальную часть человечества.

Второе возражение ставит под сомнение существование только двух систем. Разве неправомерно было бы говорить о третьей системе, которая не является ни капиталистической, ни социалистической? Я не задаюсь целью установить, была ли какая-то третья сис-

¹ Я рассматриваю термины «коммунистическая» и «социалистическая» системы как синонимы.

ЭКОНОМИКА ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА: НОВЫЙ ТЕЗИС НЕВОЗМОЖНОСТИ

Ласло Чаба

1. Введение

Мышление XX в. буквально насквозь пронизано верой в безграничную осуществимость общественных проектов. Вереницы представлений (в разной степени достойных внимания), объединенных одной общей целью «окончательно распрощаться с прошлым» и предлагающих для достижения этой цели правильные, с их точки зрения, но, как правило, сконструированные за письменным столом модели, простираются от допотопного социализма рисовых полей до шведской модели. И хотя уже не раз, с привлечением многочисленных доводов, было доказано, что в результате таких экспериментов неизбежно приходят в действие разрушительные силы, которые ставят под угрозу в лучшем случае благополучие человечества (или же участвующих в этом эксперименте подопытных существ), в худшем же — само его выживание, мы вновь стали свидетелями очередного эксперимента.

В нашем регионе на протяжении десятилетия, последовавшего за 1989 г., проводился такой запланированный эксперимент по введению спонтанного порядка и рыночной экономики. Так стоит ли удивляться тому, как это делают некоторые, что экономический рост для экономик стран переходного периода все еще представляет собой явление исключительное, а материальный достаток даже в лидирующих странах выпадает на долю лишь немногим, что преодоление хорошо известных искажений старой системы не высвободило тех огромных ресурсов эффективности и роста, которые должны были лечь в основу ожидаемого большей частью общества нового экономического чуда, подобного тому подъему экономики, который последовал за Второй мировой войной.

Сегодня можно считать общепринятым, во всяком случае среди специалистов, тот факт, что советская модель и реформаторский социализм оставили после себя несбалансированные экономики,

статистика и не отражает этого непосредственным образом. Дополнительно доказано и то, что паралич старой системы координационного управленческого механизма, а затем и ее распад не позволили и не могли позволить ей уступить место современной системе рыночных институтов, поскольку таковую лишь предстояло создать и запустить, отчасти осознанно, отчасти самообучаясь по ходу действия. Ибо при отсутствии этих институтов ни на микро-, ни на макроуровне не могла сложиться, да и не сложилась, система предпосылок для более эффективной, чем ранее, комбинации ограниченных средств, а также лежащая в ее основе система «сдержек и противовесов», необходимая для стимулирования и ограничения рыночной деятельности. Как показывают данные табл. 1, исключением можно считать те случаи, когда докризисный уровень был в значительной степени превзойден, в то время как весьма распространенными являются те примеры, где наблюдается сокращение производственных мощностей на треть, а то и на половину.

В чем же здесь дело? Я не буду вдаваться здесь в статистический анализ, поскольку делаю это в другой своей статье (Л. Чаба (Csaba), 2000). Более уместным мне представляется обращение к некоторым теоретическим вопросам, а именно к вопросу о том, какими же выводами обогатил экономическую науку этот негативный опыт.

2. Категория невозможности в экономической науке

Если общественную мысль XX в. характеризует почти религиозная вера в безграничную реализацию утопий («необозримые горизонты», «стоит только захотеть»), то в науке дела обстоят прямо противоположным образом. В числе прочих критериев, служащих подтверждением существования какой-либо дисциплины как самостоятельной научной отрасли, обычно выделяют ее способность высказывать, подобно естественным наукам, доказуемые или опровержимые утверждения, анализировать систематизированные по единым критериям факты, накопленные представителями этой отрасли, и делать на основании этого носящие прогнозный характер заключения. Сюда же относится и ее способность очерчивать круг своей компетентности, более того, умение и внутри него проводить границы. Вспомним примеры из естественных наук: открытие Кель-

Таблица 1
Валовой национальный продукт за 1980–1998 гг. (среднегодовой показатель, %)

Страна	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Центральная и Восточная Европа	88,7	94,8	97,8	99,4	100,8	100	93,2	82,9	79,3	79,0	82,1	86,8
Албания	79,4	88,2	93,1	92,4	91	100	90	64,8	60,1	65,9	71,4	80,9
Босния–Герцеговина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Болгария	76,2	89,9	93,6	99,3	101,9	100	90,9	83,3	77,2	76,1	77,5	79,7
Хорватия	99,0	99,8	102,6	102,5	101,6	100	92,9	73,3	64,7	59,5	63,0	67,3
Чехия	—	91,3	93,2	93,7	95,7	100	98,8	87,4	84,6	85,0	87,8	93,4
Венгрия	86,3	94,1	95,5	99,4	99,3	100	96,5	85,0	82,4	81,9	84,4	85,6
Польша	91,1	90,3	94,1	95,9	99,8	100	88,4	82,2	84,4	87,6	92,1	98,6
Румыния	88,5	103,4	105,8	106,7	106,2	100	94,4	82,2	75,0	76,2	79,2	84,8
Словакия	—	91,0	94,8	97,1	99,0	100	97,5	83,3	77,9	75,5	78,7	84,2
Словения	98,9	100,9	104,1	103,5	100,5	100	91,9	83,7	79,1	81,4	85,7	89,3
Македония	93,3	96,0	102,7	101,4	98,1	100	89,8	83,5	76,8	69,9	68,6	67,8
Сербия–Черногория	95,7	98,7	101,4	100,2	98,8	100	92,1	81,4	58,7	40,6	41,7	41,2
Балтия	67,8	81,4	85,6	89,0	96,0	100	97,8	89,9	67,9	58,2	55,2	56,4
Эстония	74,5	85,7	88,2	89,2	93,4	100	91,9	82,7	71,0	65,0	63,7	66,4
Латвия	78,5	81,3	85,1	89,0	93,6	100	102,9	92,2	60,1	51,1	51,5	51,0
Литва	67,4	79,8	81,9	88,9	98,4	100	96,7	91,2	71,8	60,2	54,3	56,1

Страна	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
СНГ	77,5	90,4	92,4	93,9	98,1	100	96,8	90,9	78,0	70,4	60,3	59,9
Армения	73,5	95,9	97,7	94,5	92,2	100	94,5	83,4	48,6	44,3	46,7	49,9
Азербайджан	79,6	98,8	100,6	105,1	109,7	100	88,3	87,7	67,9	52,2	41,9	37,0
Беларусь	65,7	85,2	88,9	91,3	92,4	100	98,0	96,8	87,5	80,8	70,6	63,3
Грузия	79,4	100,0	98,8	97,8	103,6	100	84,9	67,0	36,9	26,1	23,4	24,0
Казахстан	87,0	90,8	92,3	92,1	100,1	100	99,0	88,1	83,4	75,8	66,2	60,8
Киргизия	69,1	82,9	83,6	84,7	95,6	100	104,8	96,5	83,2	70,3	56,2	53,1
Молдавия	72,1	82,6	89,2	90,3	91,9	100	97,6	80,5	57,2	56,5	39,0	38,3
Россия	78,1	90,7	92,9	91,2	98,4	100	97,0	92,2	78,8	71,9	62,8	60,2
Таджикистан	80,8	91,8	95,0	93,9	106,9	100	100,2	91,7	62,1	52,0	40,9	35,8
Туркмения	80,7	89,5	93,4	97,1	107,5	100	101,8	97,0	82,5	83,7	69,2	61,2
Украина	75,0	88,7	90,0	93,4	95,2	100	96,4	88,0	79,2	68,0	52,4	46,0
Узбекистан	76,0	88,1	88,0	88,4	97,0	100	99,2	98,7	87,7	85,7	81,2	80,5
Всего	80,3	91,4	93,7	95,2	98,7	100	95,9	88,8	78,1	72,4	65,9	64,7
Для сравнения												
Центральная Европа	88,6	92,2	95,1	97,3	99,6	100	93,3	84,4	83,2	84,6	88,2	93,3
Юго-Восточная Европа	88,8	99,3	102,4	103,1	102,9	100	93,1	80,7	71,4	86,4	70,8	75,2
Чехословакия	84,9	92,7	95,1	97,0	99,3	100	98,5	84,4	78,8	—	—	—
Югославия	97,7	99,5	103,0	101,0	98,4	100	—	—	—	—	—	—
Бывший СССР	77,3	90,1	92,2	93,8	98,0	100	96,8	90,8	77,7	70,1	60,2	56,9
Бывшая ГДР	—	—	—	—	—	100	84,5	86,3	73,6	80,4	88,2	92,0

вином температуры абсолютного нуля или работы Эйнштейна, связанные со скоростью света.

Наибольшим достижением экономической науки XX в., согласно обобщающему обзору Уильяма Баумоля (William Baumol, 2000, с. 30–31), можно считать триаду, состоящую из общей теории, опирающегося на нее анализа и их применения (на микро- и макроуровне), а также взаимовлияние этих составляющих. Подобные соображения высказывает и Роберт Солоу (2000, с. 151). По его мнению, сердцевинной экономической науки была и остается макроэкономика, причем «по самым веским причинам: мы должны понять текущие события, особенно негативные, и сделать предположения относительно направленной на их изменение политики, ведь и доброжелательное бездействие – это тоже политика. Но именно по этой же причине макроэкономика никогда не превратится в абсолютно точную науку, поскольку она оперирует аналогией и эмпирическими заключениями. И в будущем ее будет характеризовать тесная связь с эмпирической работой».

В отношении переходного периода это означает, что мы должны уметь дать объяснения наблюдаемым процессам, не выходя за рамки экономической науки. С другой стороны, основываясь на имеющихся в нашем распоряжении фактах, мы должны сделать научные, т. е. носящие общий характер, выводы. Обзор литературы по данному вопросу (под ред. Бара-Сабо, 2000, гл. 7, 9 и 10) позволяет уже сегодня достаточно однозначно заключить, что экономический рост наблюдается лишь в тех странах, которые прошли четырехступенчатые преобразования, состоящие из стабилизации, либерализации, приватизации и формирования финансовых институтов. Мы не утверждаем, что историческая или какая-либо другая закономерность может автоматически поднять ту или иную страну с более низкой экономической ступени на более высокую ступень. Однако неоспорим тот факт (табл. 2), что без дезинфляции экономического роста не было нигде, а дезинфляция везде достигалась с помощью ортодоксальной и однообразной терапии. Попытки обновить ее не оправдали себя, если только не считать теоретическим новшеством воссоздание валютного совета, восходящего к английской и французской колониальным системам.

Повышение цен в странах переходного этапа (1989–1998) (среднегодовой показатель, %)

Страна	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Албания	—	—	35,5	193,1	85,0	21,5	8,0	12,7	33,1	20,3
Босния-Герцеговина	36,8	594,0	116,2	64218,3	38825,1	553,5	-12,1	-21,2	11,8	4,9
Болгария	6,4	23,8	338,5	91,3	72,9	96,2	62,1	123,1	1082,6	22,2
Хорватия	1200,0	609,5	123,0	663,6	1516,6	97,5	2,0	3,6	3,7	5,9
Чехия	1,4	9,9	56,7	11,1	20,8	10,0	9,1	8,9	8,4	10,6
Венгрия	17,0	28,9	35,0	23,0	22,6	19,1	28,5	23,6	18,4	14,2
Польша	264,3	585,8	70,3	45,3	36,9	33,2	28,1	19,8	15,1	11,7
Румыния	1,1	5,1	170,2	210,7	256,2	137,1	32,2	38,8	154,9	59,3
Словакия	1,3	10,4	61,2	10,2	23,1	13,4	10,0	6,0	6,2	6,7
Словения	1285,3	551,6	115,0	207,3	31,7	21,0	13,5	9,9	8,4	7,9
Македония	1246,0	608,4	114,9	1505,5	353,1	121,0	16,9	4,1	3,6	1,0
Сербия-Черногория	1265,0	580,0	122,0	8926,0	2,2Е+14	7,9Е+10	71,8	90,5	23,2	30,4
Эстония	4,0	18,0	202,0	1078,2	89,6	47,9	28,9	23,1	11,1	10,6
Латвия	5,2	10,9	172,2	951,2	109,1	35,7	25,0	17,7	8,5	4,7
Литва	2,1	9,1	216,4	1020,5	410,1	72,0	39,5	24,7	8,8	5,1
Армения	0,8	6,9	174,1	728,7	3731,8	4964,0	175,5	18,7	13,8	8,7
Азербайджан	0,5	6,1	106,6	912,6	1129,7	1663,9	411,5	19,8	3,6	-0,8
Беларусь	1,7	5,5	98,6	971,2	1190,9	2219,6	709,3	52,7	63,9	73,2
Грузия	0,9	4,2	78,7	1176,9	4084,9	22470,6	177,6	39,4	6,9	3,6
Казахстан	1,8	5,6	114,5	1504,3	1662,7	1879,5	175,9	39,1	17,4	7,3
Кыргызстан	1,6	5,5	113,9	954,6	1208,7	278,1	42,9	30,3	25,5	12,1
Молдова	1,1	5,7	114,4	1308,0	1751,0	486,4	29,9	23,5	11,8	7,7
Россия	2,5	5,3	100,3	1528,7	875,0	309,0	197,4	47,8	14,7	27,8
Таджикистан	1,7	5,9	112,9	822,0	2884,8	350,3	682,1	422,4	85,4	43,1
Туркмения	2,5	5,7	8,5	483,2	3128,4	2562,1	1105,3	714,0	83,7	16,8
Украина	2,0	5,4	94,0	1209,6	4734,9	891,2	376,7	80,2	15,9	10,6
Узбекистан	0,7	5,8	97,3	414,5	1231,8	1550,0	315,5	56,3	73,2	17,7

Несомненно и то, что показатели преобразований Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР, 1999, см. приложение к странам), в том числе показатели доли частного сектора и финансовой либерализации, вполне соотносятся с данными реальной экономики. Нельзя согласиться с тем, что, как полагали ранее некоторые исследователи, преобразования собственности или либерализация в длительной перспективе не влияют на успех смены системы и создание условий для экономического роста. Это справедливо даже в том случае, если некоторые отдельно взятые, «выхваченные из контекста» элементы преобразований говорят об обратном. Например, мы знаем, что российская «прихватизация», создав частную собственность, не заложила тем не менее основы для эффективного и прочного развития (Волоский, 2000; Хансон, 1999). Это главным образом проистекает из того, что рыночный порядок является единым целым, к которому невозможно подходить выборочно или итеративно, исключительно с точки зрения выполнения отдельных выбранных показателей. Именно это — отсутствие основных условий — понижает эффективность преобразований собственности.

Далее попытаемся показать, что нового может внести в наши знания введение понятия невозможности. Прежде всего дадим его определение. Концепция невозможности описывает те взаимосвязи, которые приводят к объективной невозможности одновременного достижения целей, которые всеми признаются очевидными, желательными и основными.

Как известно, Кеннот Эрроу (1950) был первым, кто сформулировал это положение в экономической науке, где он, по существу, обосновал причины отсутствия на общественном уровне целевой зависимости благосостояния в неавторитарных системах, т. е. в обществах, формирующихся в результате свободных выборов. Это означает следующее:

1. Все логически возможные предпочтения однозначно совместимы.
2. Среди них существует однообразие, т. е., если кто-то один выигрывает при перестановке, это считается более эффективным и с точки зрения общества.
3. Иррелевантные альтернативы независимы, т. е. индивидуальная и общественная польза движутся в одном направлении.

Ни один индивид не может навязать свои предпочтения другому. Нет такого участника общественного процесса, который мог бы поставить свою систему предпочтений над всеми другими. В упомянутой выше работе К. Эрроу (а также Пэлгрэйвом) математически доказывалось, что все пять как будто вполне невинных гипотез одновременно неосуществимы. Это означает, что столь часто упоминавшиеся в свое время общественные интересы (в иную эпоху называвшиеся национально-экономическими) не существуют самостоятельно. Таковым можно считать лишь окончательный результат, вызревший в политическом процессе. Понятно, какие далеко идущие последствия может иметь осознание этого положения, например для проектирования общественной оптимизации и перераспределения.

К сходному заключению приходят лауреат Нобелевской премии канадец Роберт Манделл (1962) и независимо от него шотландец Роберт Флеминг (1962), скончавшийся в 1976 г. Сегодня в любом учебнике по национальной экономике можно найти положение, которое провозглашает, что наличие трех основных благ, т. е. фиксированного курса валют, свободы передвижения капитала и суверенности национальной монетарной политики, одновременно невозможно и недостижимо. Из этих трех благ одновременно можно достичь только двух. И вовсе не обязательно ссылаться здесь на предстоящие вызовы Европейского экономического и монетарного союза, чтобы осознать, насколько весома эта мысль, особенно для тех, кто действительно верит в то, что монетарная политика способна стимулировать занятость и притормозить грядущий экономический шок. Более того, с точки зрения экономики развития данное положение можно признать ее достоинством.

Другой тезис невозможности был выдвинут двумя блестящими специалистами по макроэкономике — Обстфельдом и Тэйлором. По их мнению, национальное государство, полностью интегрированная национальная экономика и стремящаяся к учету интересов политика представляют собой такое же неосуществимое триединство. Одновременно достижимыми являются лишь две из его составляющих. Горячие дебаты в Сиэтле в ноябре 1999 г. убедительно доказали, что составляющие упомянутой триады бесконфликтно никак не согласуются.

В специальной литературе можно найти два гипотетических решения данного противоречия. Одно решение — так называемая золотая смирительная рубашка — было предложено Фридманом (1999, с. 87). Под ним в иной, менее эффективной формулировке можно было бы понимать экономико-политический консенсус стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): Свобода предпочтений, говоря словами Фридмана, сводится здесь к выбору между кока-колой и пепси-колой, т. е. разница в деталях, нюансах, мотивировках, упаковке, суть же решений всегда одинакова. Возвращение Италии, Греции или Франции в «овчарню» маастрихтской ортодоксии или же отмена ограничений на капитал в сентябре 1999 г. в Малайзии носят с этой точки зрения чисто символический характер.

Другое решение — это *глобальный федерализм*, проанализированный блестящим аналитиком из Гарварда Дани Родриком (2000, с. 184—185). По этой концепции общее решение мыслится в перспективе, в рамках задуманного еще в 1945 г. и постепенно, шаг за шагом возрожденного к новой жизни международного порядка. При нем партисипативная демократия сохраняется, а конфликты интересов улаживаются на «союзных», т. е. международных, форумах. В этом варианте развития все игроки равны. Здесь не будет места аристократическим, «более равноправным», никому не подотчетным организациям, таким, как сегодняшний Европейский банк или конституционные суды некоторых стран. Данная концепция стремится к тому, чтобы избежать уже наметившегося положения, при котором все больше и больше организаций и инстанций, принимающих различные нормы, например разрабатывающих международные аудиторские нормы или обязательства по придаче гласности информации, остаются вне демократических процессов. Конечно, и сам Д. Родрик понимает, что его предложение может быть принято лишь в отдаленном будущем, а вопросы о том, каковы будут демократический вес и голос малых государств, в какой форме они будут реализовываться, для него даже не возникают. Заметим, что на важность этих вопросов было указано на проходившем недавно межправительственном совещании стран ЕС.

Далее попытаемся сформулировать еще два тезиса невозможности, связанных со сменой социально-экономической системы. Со-

По первому тезису современная экономическая наука не может ответить на вопрос о причинах кризиса в регионе; операции, проводимые по ее рекомендациям, как правило, заканчиваются успешно, только вот больной тем временем почему-то умирает. Согласно второму тезису в странах, где происходит смена системы, можно предположить отношения невозможности между экономическим ростом, их международной интегрированностью и следующей своим собственным законам массовой демократией, непосредственно реагирующей на потребности групп избирателей.

3. Операция прошла успешно — больной умер?

Достаточно проанализировать данные табл. 3 и 4, чтобы понять причины распространившегося в регионе чувства неудовлетворенности. Если вспомнить, что уже начиная с 1953 г. советская система вызывала у людей недовольство, в первую очередь не из-за нарушения прав человека, а по чисто экономическим причинам, то нельзя не признать, что показатели расходов населения на потребление свидетельствуют о так и не состоявшемся чуде. Более того, имеющиеся сегодня «достижения» в некоторых случаях становятся неоднозначными по разным причинам: в Молдавии, например, из-за слабости правительства, в Эстонии, Хорватии и Польше — из-за возникшего и сохраняющегося дефицита платежного баланса. Инвестиции во многих случаях, прежде всего в находящуюся в центре внимания и служащую примером для обобщений Россию, резко сократились, что не сулит ничего хорошего для ее экономического роста в будущем.

За исключением нескольких стран — Словении, Венгрии, Польши, Эстонии, — обращает на себя внимание ничтожно низкий уровень этих капиталовложений. И хотя изучение количественных величин показателей скорее предостерегает нас против опасности обобщений, тем не менее их перечисление позволяет аналитику составить представление о причинах разочарования, вливающегося в общий хор недовольных голосов.

Один из голосов в этом хоре прокликает неолиберализм. С его точки зрения, непосредственная ответственность за то, что преобразования обходятся дороже, чем этого можно было бы ожидать, и

Реальные потребительские расходы за 1980–1998 гг. (1989 – 100 %)

Таблица 3

Страна	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Болгария	—	—	—	—	—	100,0	100,0	92,3	89,4	86,2	82,3	80,7	75,3	64,0	—
Хорватия	—	—	—	—	—	—	—	100,2	87,2	85,3	92,0	106,6	109,2	—	—
Чехия	—	—	—	91,3	93,1	100,0	104,9	81,0	88,2	90,4	92,6	96,5	102,5	103,2	101,7
Венгрия	92,2	99,2	101,5	104,9	102,0	100,0	97,3	92,2	92,8	97,9	95,6	89,3	86,6	88,6	—
Польша	108,0	105,1	109,3	111,8	114,7	100,0	88,3	94,9	98,2	103,0	106,9	110,4	118,4	125,6	—
Румыния	83,9	85,4	85,8	88,7	90,6	100,0	108,9	96,0	90,7	91,8	95,3	105,5	112,9	108,0	104,1
Словакия	—	81,8	85,4	89,2	92,1	100,0	103,3	76,9	75,6	74,3	71,6	73,9	82,0	85,5	88,5
Словения	—	—	—	—	—	—	100,0	91,6	88,8	99,1	102,6	110,2	113,1	117,2	—
Эстония	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,1	101,2	110,4	116,5	124,4	131,9
Латвия	—	—	—	—	—	—	100,0	76,7	49,2	46,5	47,4	47,0	50,8	52,7	—
Литва	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	102,6	112,3	—
Армения	—	—	—	—	—	—	100,0	97,4	84,9	66,4	68,9	74,5	76,8	81,5	—
Азербайджан	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	80,3	78,0	84,3	93,2	—
Беларусь	—	—	—	—	—	—	100,0	93,4	84,0	82,1	72,1	65,3	67,4	73,8	—
Грузия	—	—	—	—	—	—	100,0	79,2	77,1	45,4	42,4	46,1	—	—	—
Казахстан	—	—	—	—	—	—	100,0	96,8	96,1	84,9	67,7	55,1	51,2	51,8	—
Киргизия	—	—	—	—	—	—	—	100,0	87,2	77,1	62,0	52,0	55,3	50,8	50,4
Молдавия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	82,6	90,3	99,8	111,6	105,3
Россия	—	—	—	—	—	—	100,0	93,9	89,0	88,1	85,4	83,1	81,3	82,6	80,3
Украина	—	—	—	—	—	—	100,0	94,3	88,6	72,0	65,0	62,6	57,4	59,4	—

Ласло Чаба

Экономика переходного этапа: новый тезис невозможности

Капиталовложения за 1980–1998 гг. (1989 – 100 %)

Страна	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Болгария	—	—	—	—	—	100,0	100,0	80,0	74,1	61,2	61,9	71,8	56,6	44,1	—
Хорватия	—	—	—	—	—	—	—	100,0	88,5	94,5	93,6	108,2	—	—	—
Чехия	—	—	—	93,4	99,4	100,0	97,9	80,5	87,7	81,0	95,0	114,9	124,9	118,8	114,4
Венгрия	114,7	94,6	100,8	110,7	100,6	100,0	92,9	83,1	81,0	82,6	92,9	88,9	94,8	103,6	115,4
Польша	124,6	111,4	116,4	116,5	126,5	100,0	75,2	71,9	73,6	75,7	82,6	96,2	115,2	140,1	—
Румыния	163,7	161,5	163,3	161,0	157,6	100,0	64,4	44,0	48,9	52,9	63,9	68,3	72,2	70,1	57,4
Словакия	—	—	—	—	—	—	100,0	74,8	71,5	68,5	64,7	64,6	90,3	103,3	114,7
Словения	—	—	—	—	—	—	100,0	88,5	77,1	85,4	97,4	113,8	124,2	138,3	—
Эстония	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	106,2	110,5	123,1	144,6	156,3
Латвия	—	—	—	—	—	—	100,0	36,1	25,7	21,6	21,8	23,7	29,0	32,2	—
Литва	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	110,9	137,0	—
Армения	—	—	—	—	—	—	100,0	67,0	8,6	7,9	11,5	9,5	10,5	11,7	—
Азербайджан	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	61,0	115,3	94,5	199,8	333,7	—
Беларусь	—	—	—	—	—	—	100,0	105,3	85,6	79,1	68,3	48,1	46,6	57,4	—
Грузия	—	—	—	—	—	—	100,0	86,3	49,2	18,5	133,4	219,9	—	—	—
Казахстан	—	—	—	—	—	—	100,0	74,2	61,9	44,2	39,2	24,3	18,5	19,1	—
Киргизия	—	—	—	—	—	—	—	100,0	70,7	55,3	39,3	63,2	54,9	38,7	33,1
Молдавия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	56,5	54,5	68,1	64,9	64,8
Россия	—	—	—	—	—	—	100,0	84,5	49,4	36,7	27,1	25,1	20,9	19,9	18,5
Украина	—	—	—	—	—	—	100,0	81,6	69,3	48,2	28,4	19,7	15,2	14,2	—

что самые важные ведут к экономической депрессии, лежит на негативистском взгляде на государство и нормирование показателей развития (Познанский, 1999). Другой голос справедливо указывает на то, что в преобразованиях *гораздо больше* — причем пропорционально численности населения — *неудач, чем успехов*; для большинства людей повседневными явлениями стали коррупция, грабительская власть государства и мафиозная экономика (Самсон, 1999). Особенно яростные проклятия в адрес узкоэкономического подхода раздаются со стороны представителей смежных наук, которые, в частности, требуют учитывать и наблюдаемые ими результаты преобразований.

Что ж, это, безусловно, вполне обоснованные претензии. Однако мы должны четко обозначить границы между научными дисциплинами, если вспомнить, что пишет в своей произведшей фурор статье специалист по микроэкономике, профессор Чикагского университета Эдвард Лэйзир (2000) о явлении, которое можно назвать экономическим империализмом, особенно когда он говорит о ранее немыслимом распространении экономической науки на новые для нее области. Как это детально документируется в статье, список тем, в которых экономисты (в первую очередь лауреат Нобелевской премии Гэри Беккер, но, конечно, не только он) добились за последние полвека выдающихся достижений, достаточно велик: это и кадровая политика, и здравоохранение, и религия, и анализ причин низкой рождаемости.

Все это послужило основой для саморефлексии экономической науки, т. е. для предпринятых ее представителями попыток определить границы своей дисциплины. «Экономическая наука пытается осмыслить даже бессмысленное. Экономисты действительно порой отвлекаются от самой сути проблемы. И все же наиболее удачные их исследования вносят новое понимание в те явления, где раньше царил полная неразбериха.

Экономическая наука предполагает рациональное поведение, поведение, максимизирующее получаемые результаты, и взаимозаменяемость доступных средств для достижения соответствующей цели в рамках таких моделей, которые позволяют добиться экономического равновесия. Если сложившееся равновесие несовершенно, то его необходимо объяснять; это указывает на то, что лежащая

основе модель требует дополнений. Теория экономики должна стремиться к единообразию, к выработке такого языка, который будет пригоден для анализа множества общественных явлений» (Указ: соч., с. 142).

Таким образом, получается, что суть развития вытекает из рациональности индивида, который максимизирует нечто, достигая в итоге равновесия¹, и измеряет эффективность своей деятельности. Поэтому теоретическая экономика ставит перед собой такие вопросы, на которые другие не берутся ответить, и дает на них строгие, *значимые и обобщающие* ответы. Зачастую они являются упрощенными, но точными. В отличие от нее социология скорее занимается пониманием природы исследуемых ограничителей.

В упомянутых рамках, естественно, не обязательно максимизировать финансовую прибыль. В демонетизированной экономике можно/нужно максимизировать реальные блага, статус, влияние. В исследовании Розена (1974) дается детальное описание того, как различные услуги и факторы нерыночного характера расцениваются на рыночных основаниях или же могут таким образом толковаться. Определив материально выраженную, дисконтированную стоимость надбавок за опасность производства к зарплате шахтеров, можно выразить в долларах и стоимость человеческой жизни (например, 5 млн долл., и тогда можно осознать, что вовсе не обязательно было выбирать эту профессию по сравнению с менее опасными). Суть проблемы заключается в том, чтобы и нерыночная система могла работать на рациональной основе. Эту систему стараются оптимизировать в рамках установленных ею норм с помощью ресурсов, минимизируя затраты или же выводя их из сферы экономики. Подобным же образом отсутствие обязательности договоров, диктуемое государством или управленческой системой, неизбежно ведет с точки зрения экономики к частному правосудию. В таких случаях неформальный институт заменяется формальным, иными словами, например: мафиозная экономика — это не отклонение от нормы и не болезненное явление, а рациональность особой ситуации.

¹ Это может показаться удивительным, но сегодня на основе равновесия можно моделировать даже международный финансовый кризис, более того, можно указать направление его распространения (Ален-Гейл, 2000).

Нерыночные или же напоминающие третий мир системы с трудом встраиваются в дихотомические рамки, заданные идеологической саморефлексией на плановое хозяйство и не менее идеологической антирефлексией на непревзойденность рыночного хозяйства. Но это отнюдь не означает того, что они не поддаются анализу или же того, что арсенал средств экономической науки оказывается перед этими явлениями бессильным. Конечно, если мы не станем отождествлять заявления международных организаций и высказывания некоторых руководителей, «попавших в переделку» в начале преобразований, с научной истиной в последней инстанции. И если мы этого не сделаем, то нам будет не за что проклинать неолиберализм. Из всех стран, проходящих через преобразования, либеральная политика последовательно реализуется только в Эстонии. Как известно, в Чехии эта политика во времена Клауса декларировалась, однако не проводилась в жизнь. В Польше уже стало общим утверждение о том, что источником роста являются вновь созданные предприятия, в то время как унаследованные от старой системы промышленные и инфраструктурные объекты были перестроены лишь в незначительной степени.

В 1990-е годы сельское хозяйство обеспечивало большое число рабочих мест, и главной причиной враждебной атмосферы, возникшей на переговорах с ЕС, стало, как говорят (см. Хандельсблат от 13 апреля 2000 г.), именно то, что правительство Бузека не смогло или не решилось предпринять какие-либо шаги в целях радикального преобразования сельского хозяйства.

В России, по данным цитировавшейся литературы и другим исследованиям, либеральная идеология сочетается с практикой сильного государства и коррупции. Действительность, естественно, формируется последними. Либеральные силы редко оказываются в правительстве, а если это и происходит, то они остаются на вторых ролях. Одним словом, хотя осуждение неолиберализма и является весьма распространенным явлением, однако фактами его вряд ли можно подкрепить.

Так что же означает эта фраза: «больной умер»? Как показывают данные табл. 1, экономические показатели России не ниже среднего постсоветского уровня (не считая Эстонии), более того, в 1999

года отмечается их рост. С точки зрения потребительских расходов показатели не кажутся нам столь разительно низкими, как в свое время, в брежневскую эпоху, наблюдал ситуацию, не выходя из номера привилегированной московской гостиницы. Страны с самыми низкими показателями, например Украину или Молдову и, пожалуй, Сербию, не принято упоминать в числе образцовых детей МВФ или «монетаристов», скорее всего претензии обеих сторон по этому поводу обоснованны. Лишь данные по Болгарии и Латвии подтверждают истинность заключения «больной мертв». При этом в Латвии, на фоне спада во всей экономической деятельности, потребление сократилось не в столь разительных масштабах. В Болгарии же к эффективной стабилизации приступили только в апреле 1997 г., и ее достижения в таблице пока не заметны. В отношении же Центральной Европы, и тем более Эстонии, нет никаких оснований, чтобы констатировать «региональную депрессию» или даже «смерть больного».

«Траурную речь» следовало бы, вероятно, произносить там, где или вообще не предприняли никаких шагов в направлении преобразований, или если и начали их, то не завершили, как в России или в Румынии. Российская «виртуальная экономика» (Гедди-Айскес, 1998) не является каким-то необъяснимым уродцем, она в полной мере рациональна. Здесь видна реакция максимизирующих свою прибыль участников экономики (и частных, и тех, кто в частных целях при максимизации прибыли эксплуатирует формально находящиеся в общественной собственности средства) на времена, характеризующиеся дефицитом рубля, отсутствием или недостатком наличных денег.

Поскольку платить налоги цементом или ядерными боеголовками невозможно, то чем более агрессивную кампанию по сбору налогов проводило российское руководство (иногда по подсказке МВФ, но чаще по собственной инициативе), тем более обоснованной представлялась мысль о том, что все, что можно, следует держать в форме продукта. В результате этого после налоговой кампании предприятия приступали к известному со времен СЭВ и плановой советской экономики бартеру с традиционными, примерно 40%-ными ликвидными ценами (понимая под этим, что за налич-

ные тот же самый товар будет стоить на столько же процентов дешевле). Параллельно с этим старая добрая долларовая торговля привнесла этому и без того слишком сложному и многообразному для чистого натурального хозяйства механизму высокую ликвидность.

Виртуальность экономики, по мнению аналитиков, в первую очередь распространяется на статистические данные, поскольку реальное хозяйство, предприятия и банки функционируют совсем по-другому, но не иррационально, не «ирреально» и не вопреки экономическим законам. Более того, тот факт, что девальвация, последовавшая за крахом в августе 1998 г., оказала благотворное влияние на экспорт, импорт и стимулирование производства, уже сам по себе доказывает: поколеблен известный тезис оставшихся академических приверженцев советского мышления, согласно которому российская экономика — по психологическим причинам — полностью отличается от экономик всех других стран. Не вызывает сомнений, что именно долларовая изолированность и дефицит наличных плюс финансовый крах по причине недостатка самообеспечения не привели в России — совершенно понятным и прогнозируемым образом — к тому массовому обнищанию, которое можно наблюдать в некоторых латиноамериканских странах.

Примечательно, что те явления, которые международные эксперты и/или бывшие советологи отмечают как необычные в Украине, Сербии или, скажем, Грузии и Таджикистане (от коррупции до клептократии и стабилизации равновесия в низких точках), являются, как правило, привычными в исследованиях по странам третьего мира. А значит, и сама постановка вопроса о том, принес ли что-то совершенно новое в экономическую науку опыт смены системы, весьма сомнительна. Скорее обнаружилось, что имперские границы не распались/не распадаются вместе с их историко-общественными аналогами.

Однако сегодня можно утверждать, что там, где операцию действительно провели, а не просто говорили о ней, уже видны положительные результаты. Пример тому — Болгария, где в не фигурирующем в таблице 1999 г. инфляция снизилась на 4 % и наметился 3%-ный экономический рост. В тех странах, где были выполнены международные рекомендации и финансовый сектор постепенно

перешел в частные руки, а государственный сектор оказался в абсолютном меньшинстве, экономический рост наблюдается везде без исключения. Частичным исключением является Словакия, где вместо классической, не зависящая от трансформации коррекция платежного баланса. В отличие от этого случая для любой другой страны, где некогда начавшийся экономический рост неожиданно приостановился, недостатки в выполнении задач по преобразованию можно считать типичными. В Польше рухнула система финансового посредничества, в Албании развалилась государственная власть. Чехия в 1998—1999 гг. расплатилась глубокой рецессией за запущенные ранее структурные реформы. В Румынии завязли приватизация и реформа системы финансового посредничества. После падения режима Ф. Туджмана скрытые до тех пор, но ранее известные аналитикам проблемы стали очевидными. Одним словом, и успехи, и неудачи преобразований можно описать в одном и том же алгоритме.

Все сказанное выше можно сформулировать и по-другому. Опровергнуты идеи «восточноевропейского социализма», предполагающие, что различия между проходящими преобразования странами главным образом проистекают из различий в их историческом пути и географическом положении. Те новые формы, которые кое-кто из исследователей пытался объяснить через механизмы рекомбинированной собственности или политического капитализма/сохранения власти, оказались лишь переходными формами. Они уступают место либо образцам, уже известным по западноевропейским странам, либо характерным для третьего мира моделям.

Поучительно было бы установить, какова была, скажем, доля бывших членов ЦК среди российских банкиров и брокеров. В отличие от них примеры настоящей неизбежности — от Грузии и Украины до Сербии включительно — это одновременно и примеры «экономической смерти», встраивающиеся в отнюдь не случайную систему отношений. Если пренебречь этими важными фактами, будет трудно лишь по данным таблиц-приложений привести к общему знаменателю «восточноевропейский капитализм» или страны «постсоциалистического периода» — Украину и Польшу, Словению и Албанию.

Однако, следуя обрисованной выше картине и системе анализа, мы не можем точно сказать, в какой стране общественное и институциональное развитие создает условия для «правильной», т.е. ведущей к эффективным преобразованиям и формирующей новые институты, политики. С этой точки зрения первый тезис невозможности все же нельзя считать безосновательным. Можно лишь сказать, что пример России, Украины или Хорватии показывает: причина неудач была вовсе не в нехватке интеллектуального потенциала на местах.

4. Новейший тезис невозможности

Новейший тезис невозможности гласит, что принципы функционирования, призванные обеспечить прочный экономический рост, успешную международную интеграцию и характерную для зрелых обществ массовую демократию, стремящуюся удовлетворить краткосрочные экономические интересы избирателей, образуют такой треугольник, который не может одновременно существовать, ибо в одно и то же время могут быть согласованы только две из его составляющих.

Взаимозависимость экономического роста и международной интеграции, которая в экономике развития представляет собой новое изложение пробившей себе дорогу в 1960-е годы теории внешнего (экстернального) развития, подкрепленной институциональными элементами, многократно подтверждалась в специальной литературе. Между следующим основным течению экономической теории Европейским банком развития и реконструкции (ЕБРР, 1999) и сторонниками старого институционализма, чьи материалы мы использовали в качестве источников, например, почти нет расхождений в том, что же является залогом успеха: экономический рост, обусловленный экспортом, опирающимся на привлечение иностранного капитала, т.е. структурные преобразования, направляемые извне, и политика дезинфляции. В работах, на которые мы здесь ссылаемся, весьма основательно и с более детальным анализом, чем тот, который мы можем себе позволить в этом докладе, представлены данные по разным странам, пригодные для сопоставления.

Нет расхождений и в том, в каких странах прошли успешные преобразования, а где они провалились (на протяжении десятилетия картина формировалась на основе самохарактеристик и заявлений национальной пропаганды). Теперь же спор идет лишь о том, правильная ли политика сформировала успешно работающие институты, а через них обеспечила и экономический рост, или же, наоборот, новые институты могут быть созданы только там, где исторические данности позволяют проводить «правильную» политику, и новые институты могут опираться на сформировавшиеся исторические предпосылки. Выше мы уже отмечали, что это тот вопрос (главным образом вопрос системы ценностей, мировоззренческий вопрос), на который невозможно ответить в рамках экономической науки и с помощью ее аппарата.

Суть дискуссии можно сформулировать и по-другому: успешно преобразующиеся страны захотели и смогли надеть на себя так называемую золотую смиренную рубашку, которая была категорически предписана им накануне расширения Европейского союза, перерастающего в валютный союз. В данном случае возобладали европейский нормативный порядок. И если в начале десятилетия споры разгорались потому, что приверженцы старых институционалистских, структуралистских направлений и школы предопределенности пути развития считали это, по сути дела, невозможным, то в наши дни уже невозможно просто обойтись одними расплывчатыми указаниями на специфические черты наследия имперского планового хозяйства. Общественному мнению остается лишь спорить о том, какова будет продолжительность новых преобразований, и рассуждать, не сопряжены ли они, с точки зрения представителей некоторых систем ценностей, с необоснованными затратами. Хотя, конечно, для того, чтобы рассуждать об этом, надо бы сначала рассчитать эти затраты или, по крайней мере, дать их вербальную модель и алгоритмическое описание, а это, как правило, сторонниками описанной выше точки зрения не делается.

В выделяемую группу успешных стран входят Польша, Венгрия, Словакия, Эстония и Чехия. В этих странах преемственность их экономик стала настоящим сюрпризом. Она теоретически всегда провозглашалась, но на практике считалась недостижимой. Эта преемственность в основных чертах сохранилась, несмотря на частые

смены министров финансов, правительств и даже правящих коалиций. Как мы видим, «золотая смирительная рубашка» не означает мелочной синхронности и всеобщего единства, превосходящего даже серость планового хозяйства.

Те аналитики, которые полагали, что новые демократии, возникшие на обломках советской империи, в основном тождественны западным не только по своей структуре, но и по принципам функционирования, высказывали свои сомнения в успешности преобразований, именно исходя из этого. По их мнению, демократия неизбежно ущемит интересы какой-то социальной группы, причем весьма серьезно и не всегда одной и той же. Поэтому эти группы объединяются, образуя антиреформистские коалиции и понижая тем самым шансы на успешность преобразований. Этот подход был наглядно сформулирован в подзаголовке объемистого тома, посвященного Центральной Европе (под ред. Елстера, Оффе, Преусса, 1998): «Корпус корабля приходится перестраивать в открытом и бушующем море».

И хотя эффектности образа надо отдать должное, нельзя не заметить, что практика его не подтверждает. Сменявшие друг друга правительства стран передового эшелона преобразований продемонстрировали недожиданную ловкость в словесных акробатических этюдах, стараясь любые успехи приписать себе, а все неудачи свалить на противника. Однако, по сути дела, после 1989 г. происходившие в нашем регионе изменения были не серьезнее, чем те, которые наблюдались, когда Тони Блэр сменил Джона Мэйджера или когда Сильвио Берлускони сменил своего предшественника. Последний пример особенно явно дает понять, что правительство, заявляющее о себе, что оно совершило больше, чем просто смену правительства, а на деле только перешагнувшее привычные размеры выстраивания собственной клиентуры, в экономике оказалось способным лишь на переклеивание схожих этикеток типа «кола» и «пепси». В итальянском примере ликвидация пенсионной системы, сужение прав бюджетников протекали гораздо активнее при правлении бывшего коммуниста, чем под руководством правого лидера. Подобные примеры мы находим сегодня в польской и венгерской практике, а также при легко «выносимом» чешскими буржуазными демократами социал-демократическом правительстве в 1993–1997,

1998 гг. и в период между 1998 и 2002 г., когда под руководством партий-правопреемников были осуществлены самые жесткие преобразования.

Чем же все это объяснить? Нам может здесь помочь сопоставление с латиноамериканским опытом (Грешковитс, 1998). Общества центральноевропейских стран и представленная ими политика далеко не в той же степени поделены на различные кланы и поэтому не находятся в плену чьих-то интересов в такой же степени, как это происходит в латиноамериканских странах². Вследствие этого у реформаторского правительства возможности для маневрирования сохраняются не только во время «медового месяца» сразу после изменения курса. Именно неоформленность представительства интересов, серьезный властный и институциональный вакуум позволили провести такие реформы, которые, изменив огромные системы распределения, больно затронули интересы массовых общественных групп, но тем не менее они были необходимы с точки зрения политико-экономического консенсуса для продолжительного поддержания трансформации и для финансирования экономического роста.

Конечно, можно было бы подыскать и теоретические доказательства этого явления, однако мы считаем, что для того, чтобы данные преобразования стали реальностью, понадобилась именно та совокупность внешнего давления со стороны ЕС и упомянутого выше внутреннего консенсуса, благодаря которым правящие силы, преодолев внутренние конфронтации и распри, практически осуществили необходимые задачи второго этапа преобразований. Наши выводы подтверждаются и исследованиями, проведенными в области пенсионной реформы (Мюллер, 1999) и государственного бюджета (Бенкер, 2001).

В приведенных нами примерах надетая «золотая смирительная рубашка» оказала негативное влияние на демократию, что, в частности, проявилось в уменьшении активности избирателей на выборах и росте популярности крайних политических сил (в Чехии в настоящее время около 25 % парламентариев составляют нереформированные коммунисты и республиканцы).

² Добавлю: и западноевропейские. См. примеры партийного представительства в Австрии и Бельгии (И. Джодт, 2000).

В качестве примера реализации другой стороны тезиса невозможности, т. е. примера одновременного существования демократии и международной интеграции, можно упомянуть Румынию, Латвию, Литву и до последнего времени Болгарию, а также далее согласно данным нашей таблицы, Македонию, Албанию и Украину. Перечисленные случаи объединяет то, что без участия международных финансовых организаций эти страны не смогли бы проводить свою международную интеграцию. В то же время общей своеобразной чертой их политических систем можно считать то, что политика каждой страны оказалась в плену у четко обозначенных экономических и общественных групп. Именно это не позволило их центральным правительствам предпринять те шаги на пути осуществления глобальных реформ, к которым призывали их и собственные эксперты, и центральный банк. А вследствие этого не смогли сложиться условия для ускорения экономической динамики, так как не заработали лежащие в ее основе институты, обеспечивающие более выгодную комбинацию факторов, средств и стимулов производства.

Частный капитал в таких условиях начинает погоню за рентой или за быстро окупающимися вложениями. Это и понятно: надежность накоплений не обеспечена, в то время как вереница полумер и государственный протекционизм налицо. Вот почему влияние организованных групп интересов становится непосредственной причиной нежизнеспособности реформ. Пример Болгарии и Румынии, а в последнее время и Украины показывает, что любая направленная на реформирование правительственная мера наталкивается на сопротивление влиятельных групп интересов и неизбежно тормозится.

К этой же группе относится и Хорватия, в которой экономический рост начался с весьма низкого уровня, а новое правительство было вынуждено на какое-то время приостановить реформы из-за мер по общественной консолидации. То, что для экономиста плохо, с точки зрения теории политики — достижение, поскольку тогда политическое представительство является аутентичным, и радикально настроенные силы остались на политической арене лишь в Латвии и Румынии. Крайними примерами реализации политической модели можно считать Боснию—Герцеговину и, возможно, Косово и Черногорию.

Наиболее слабой стороной треугольника невозможности должно быть совместимость демократии и экономического роста без проведения международной интеграции. Пока единственным примером такой комбинации, кажется, является Россия. Учитывая функциональную и институциональную замкнутость китайской экономики, а также опыт других восточноазиатских стран, есть основания предположить, что посткоммунистический Китай — подобно Индии и Японии — на протяжении довольно длительного периода будет проводить политику роста, опирающуюся на внутренний рынок. Это предполагает, что он пока не дорос до той стадии экономического развития, когда комплексность общества и многослойность экономических связей делают рынок капитала наиболее важным средством распределения ресурсов. В качестве примера монокультурной модели роста можно назвать Азербайджан, однако там демократические составляющие представительства интересов весьма скромны.

Как видим, условиями реализуемости третьей стороны рассматриваемой концепции являются большой масштаб страны и относительно низкая структурированность ее производственной сферы. Среди стран, созревших для этой формы преобразований, можно назвать Вьетнам, хотя успешные модели этого региона и его традиции больше говорят в пользу «золотой смирительной рубашки». Это подтверждается и тем, что руководство Вьетнама вот уже десять лет, почти не скрывая этого, признает образцом для подражания южнокорейскую модель, как, впрочем, это на словах делают также казахские и киргизские лидеры.

5. Что нам дает этот тезис?

Выигрываем ли мы от введения нового тезиса невозможности? Думаю, что да, и немало. Наиболее интересным для практики является осознание того, насколько шатка третья сторона уравнения — формула «демократия (+) экономический рост (—) международная интеграция». На мой взгляд, осознание этого обстоятельства чрезвычайно важно. Как раз сейчас, в те самые дни, когда я заканчивал эту статью, в Вашингтоне проходили яростные демонстрации против совместного заседания МВФ и Мирового банка, а полиция Пра-

ги усиленно готовилась к выступлениям против их следующего заседания, которое было намечено провести в чешской столице. В 1998 г. на многих произвело потрясающее впечатление, когда члены французского правительства и артисты участвовали в акции протеста против готовящегося в рамках ОЭСР подписания международного инвестиционного соглашения. Однако после Сиезта стало уже привычным, что все международные соглашения, которые можно рассматривать в качестве предвестников глобального федерализма, могут рассчитывать на проводимое в яркой зрелищной форме сопротивление сторонников партисипативной политики.

В менее зрелищной форме, правда куда более эффективно (и конечно же, с большими потерями для благосостояния), странами *Европейского бастиона* проводится протекционистская политика на рынке рабочей силы и на аграрном рынке. Это политика, как направленная на сохранение третьей модели, под лозунгом поношения глобализации, уже ставшей в определенных кругах ругательным словом. Подобные настроения можно наблюдать и в венгерской общественной жизни, особенно вне экономической науки, чем, в частности, объясняется и та бешеная популярность, которой пользуются такие авторы, как Дэвид Кортен, с одной стороны, и Энтони Гидденс — с другой. И тот и другой являются пророками третьего пути и противниками глобализации. Вступление Венгрии в ЕС, помимо главной причины — бюрократической волокиты со стороны ЕС, затягивали как раз те меры, с помощью которых правительство пыталось защитить определенные области национального хозяйства от иностранной конкуренции.

Обзорный характер нашей статьи не позволяет нам делать практические, конкретные заключения. На уровне абстракции, принятой в экономической науке, мы можем лишь констатировать, что отход от политики «смирительной рубашки» приводит в экономических переходного этапа к разрушительным для благосостояния последствиям. Это справедливо, по крайней мере в определенном смысле, в отношении к технически и экономически достижимому на данный момент потенциальному максимуму развития. Сочетание экономического роста и демократии без международной интеграции предполагает наличие таких особых условий, которых либо просто не существует как данности (например, большой внутренний ры-

нок либо просто невозможно создать демократическим, либеральным путем (низкий уровень развития, отсутствие потребительских запросов, примитивные общественные отношения), однако если каким-то образом их все же удалось создать, то они приводят, при имеющемся уровне потребностей, к вымиранию населения в значительных масштабах и возникновению режимов террора (Хайек, 1992).

Конечно, не следует понимать предложенный тезис как независимый от ничем не ограниченных рыночных изменений, от вовлеченности в глобальную финансовую зависимость и уж тем более от того, что тезис невозможности готов дать на все мгновенный ответ. Об этом, естественно, не может быть речи. Даже если признать, что ограничения в передвижении капитала — помимо падения уровня благосостояния — приводят обычно к изолированности и затягиванию процесса проведения реформ, а об этом свидетельствуют примеры всех тех развивающихся стран, где уже проводились подобные эксперименты (Эдвардс, 1999), то и тогда далеко не безразлично, как функционирует международная финансовая система.

По этому вопросу специалистами проводились основательные исследования (Гилберт, Пауэлл, Уайнс, 1999; Рогов, 1999; Фишер, 1999), сходной чертой которых является то, что все они, предлагая различные нетривиальные решения, вовсе не стремятся заставить нас вернуться в примитивный мир двустороннего «билатерализма» и в мир государственной торговли³. И хотя раскрытие этой темы явно выходит за рамки данного сообщения, мы считаем, что в целом достигли поставленной цели. «Империалистическая экспансия» экономики поддерживается, в частности, именно этой ее универсальной способностью указывать на невозможность преступления определенных границ там, где другие специалисты по старинке пытаются найти какие-то особые лазейки.

³ Как известно, тогда возможность «грехопадения» устранили таким образом, что запретили передвижение капитала. Последствия оказались тяжкими.

Литература

- Allen, F.-Gale, D. (2000): Financial contagion // The Journal of Political Economy, 108, 1, 1-33.
- Arrow, K. (1950): A difficulty in the concept of social welfare // The Journal of Political Economy, 58, 2, 328-346.
- Bara Z.-Szabó K., szerk. (2000): Gazdasági intézmények, országok rendszerek. Aula Kiadó, Budapest.
- Baumol, W. (2000): What Marshall didn't know: on the twentieth century's contributions to economics // The Quarterly Journal of Economics, 115, 1, 1-44.
- Bonker, F. (2001): Fiscal reform in Central Europe, Cheltenham (Anglia) - Northampton, MA (USA): Edward Elgar (EACES series on Comparative Economics).
- Csaba L. (2000): Az átalakulás sokszólamúsága. Európai Szemle, 11, 2, 60-84.
- EBRD (1999): Transition report. Ten years of transition. London, nov.
- EGB (1999): Economic Commission for Europe: Economic Survey of Europe, 3, Genf-New York.
- Edwards, S. (1999): How effective are capital controls? // The Journal of Economic Perspectives, 13, 4, 65-84.
- Elster, J.-Offe, C.-Preuss, U., szerk. (1998): Institutional Design in Postcommunist Societies. Cambridge - N. Y.: Cambridge University Press.
- Fisher, S. (1999): Reforming the international financial system // The Economic Journal, 109, 459, (nov.), F. 557-576.
- Fleming, R. (1962): Domestic financial policies under fixed and flexible exchange rates // IMF Staff Papers, 8, 4, 493-463.
- Friedmann, Th. (1999): The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. New York: Farrar, Struss and Giroux.
- Gaddy, R.-Ickes, B. (1998): Russia's virtual economy // Foreign Affairs, 75, 3 (ösz).
- Gilbert, Ch. - Powell, A. - Vines, D. (1999): Positioning the World Bank // The Economic Journal, 109, 459, F 598-633.
- Gregory, P. (1999): Ten years of transformation. Frankfurt: Europa Universität Viadrina, FIT Discussion Paper, 12.
- Greskovits, B. (1998): The Political Economy of Protest and Patience: Latin America and Eastern Europe Compared. New York stb.: Central University University Press.
- Hanson, Ph. (1999): The Russian economic crisis and the future of Russian economic reform // Europe -Asia-Studies, 51, 7, 1140-1166.
- Hayek, F. A. (1992): A végzetes önhittség. Tankönyvkiadó, Budapest.
- Judt, T. (2000): Létezik-e Belgium? BUKSZ, 12, 1, 89-94.
- Kear, E. (2000): Economic Imperialism // The Quarterly Journal of Economics, 115, 1, 99-146.
- Mundell, R. A. (1963): Capital mobility and stabilization policy under fixed and flexible exchange rates // Canadian Journal of Economics, 29, 3.
- Muller, K. (1999): The Political Economy of Pension Reforms in Central-Eastern Europe. Cheltenham (Anglia) - Northampton, MA (USA): Edward Elgar Publ. Co. (EACES series on Comparative Economics).
- Obstfeldt, M.-Taylor, A. (1998): The Great Depression as a watershed: International capital mobility in the long run. In Bordo, M.-Goldin, C. - White, B. (szerk.) The Defining Moment. Chicago, Chicago University Press, 353-402.
- Poznanski, K. (1999): Transition as institutional disintegration: understanding the regional economic depression, Acta Oeconomica, 50, 1-2, 1-36.
- Rodrik, D. (2000): How far will international economic integration go? // The Journal of Economic Perspectives, 14, 1, 177-186.
- Rogoff, K. (1999): International institutions for reducing global financial instability // The Journal of Economic Perspectives, 13, 4, 21-42.
- Rosen, Sh. (1974): Hedonic prices and implicit markets: product differentiation in pure competition // The Journal of Political Economy, 82, 1, 34-55.
- Samson, I. (1999): Les deux mondes des transition - a Groupe de Transition et Développement et EACES, «Les trajectoires de transition à l'Est». Université Pierre Mendès-France, Grenoble, dec. 10-11.
- Solow, R. (2000): Towards a macroeconomics of the medium run // The Journal of Economic Perspectives, 14, 1, 151-158.
- Wolosky (2000): Putin's Plutocrat Problem // Foreign Affairs, 78, 2.